

М. М. ГУХМАН

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ  
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ<sup>1</sup>

## 1

За последние десятилетия развитие сравнительного изучения индоевропейских языков определялось по преимуществу двумя факторами: 1) открытием новых языковых материалов, постепенно включавшихся в орбиту исследования; 2) поисками, а отчасти и использованием новых приемов анализа языковых фактов<sup>2</sup>.

Как известно, открытие и последующее изучение хеттского и тохарского языков прежде всего в значительной степени изменили представления о древнейшей структуре общиндоевропейского языка и о его диалектном членении, хотя они оказали влияние и на историческое осмысление давно известных фактов отдельных групп и языков<sup>3</sup>.

Новые материалы помогли внести временную перспективу в реконструкцию общиндоевропейских форм, способствуя восстановлению истории общиндоевропейского языка и расширению проблематики сравнительно-исторических исследований. В то же время факты хеттского и тохарского языков, используемые при изучении диалектного членения индоевропейского языка, помогли обнаружить сложные, переплетающиеся линии древних изоглос и вскрыть многоступенчатые процессы интеграции и дифференциации в пределах индоевропейской языковой общности. Под влиянием хеттских и тохарских материалов изменилось отношение к данным греческого и древнеиндийского языков, используемых для реконструкции общиндоевропейского состояния.

Отчасти в связи с расширением перспектив сравнительно-исторических исследований, но главным образом под влиянием развития других областей языкознания растет интерес к вопросам методики сравнительного языкознания. Традиционная система исследовательских приемов, объединяемая обычно понятием сравнительно-исторического метода, сложилась в связи с решением относительно узкого круга вопросов: основное содержание сравнительной грамматики индоевропейских языков XIX и XX вв. может быть определено как реконструкция звукового и морфем-

<sup>1</sup> Основной статьи послужил доклад автора, прочитанный в ноябре 1956 г. на сессии по германскому языкознанию в Ин-те языкознания АН СССР.

<sup>2</sup> Показательны в этой связи материалы VII Международного лингвистического конгресса (см. «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists», parts 1—2, London, 1956—в разделах, посвященных сравнительному языкознанию).

<sup>3</sup> Здесь можно напомнить, например, что ларингальная теория и фонетическая теория корня не только определили современное понимание фоно-морфологической структуры индоевропейского языка-основы, но и повлияли на интерпретацию фактов отдельных языков. См. анализ германского материала в работах Лемана (W. Lehmann, Proto-Indoeuropean phonology, Austin, 1952, а также отдельные его статьи в журнале «Language» за последние годы); интерпретацию древнеиндийского материала см. в монографии Т. Барроу (T. Burrow, The Sanskrit language, London, 1955) и др.

ного состава праязыка накануне обособления отдельных языковых групп. Возникшая позднее задача дальнейшего проникновения в глубь истории общиндоевропейского языка, стремление восстановить последовательные этапы его развития требовали пополнения старой системы приемов. Именно с этим связано интенсивное применение так называемой внутренней реконструкции в индоевропеистике последних десятилетий. Однако по мере углубления в историю общиндоевропейского языка эффективность применения внутренней реконструкции уменьшалась. Необходимо было найти какие-то дополнительные материалы и приемы анализа. Вместе с тем и распространение сравнительно-исторического метода в области семасиологии и синтаксиса индоевропейских языков вело, как это уже отмечалось в литературе, к поискам новых путей исследования<sup>1</sup>.

Наряду с этим несомненные достижения методики исследования в других областях лингвистической науки в свою очередь влияли на развитие сравнительного языкознания и вносили изменения в традиционную компаративистику. Так, успехи методики языкового анализа синхронной лингвистики, в особенности достижения фонологии, открыли новые возможности для совершенствования приемов исследования сравнительного языкознания. Вопрос о соотношении методики языкового анализа, дескриптивной лингвистики и сравнительного языкознания, являющийся одним из аспектов более общей проблемы о соотношении диахронной и синхронной лингвистики, был впервые со всей определенностью поставлен еще в тезисах Пражского кружка (конец 20-х годов). В последующие годы он подымался в отдельных исследованиях, а на VII Международном конгрессе языковедов различные варианты трактовки этой проблемы нашли свое выражение в выступлениях Ельмслева, Фурке, Мартине, Мэтьюса и др.<sup>2</sup> Доминирующим было мнение о желательности перенесения приемов фонологии, дескриптивной грамматики и семасиологии в сравнительно-исторические исследования. Идеи эти получили уже частичную реализацию в исследованиях Куриловича и Фурке о передвижении согласных в германских языках<sup>3</sup>, в статье Сафаревича об индоевропейских задненёбных<sup>4</sup>, поскольку здесь фонологические принципы применялись к проблемам сравнительно-исторического языкознания. В свою очередь Э. Бенвенист наметил пути использования приемов семасиологии в этимологических разысканиях<sup>5</sup>.

В настоящее время большинство компаративистов не отрицает необходимости использовать в сравнительном языкознании некоторые принципы и приемы, сложившиеся в синхронной лингвистике; спор по преимуществу может и должен идти о том, какие элементы синхронного анализа языка следует включить в сравнительно-историческое исследование, как эти привнесенные элементы, сочетаясь со старыми приемами, должны

<sup>1</sup> См., например, следующие статьи: С. Б. Бернштейн, Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков», ВЯ, 1954, № 2; В. Н. Ярцева, Проблема выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков, ВЯ, 1956, № 6.

<sup>2</sup> См. «Proceedings...», стр. 427—429 и сл., 431 и сл.

<sup>3</sup> См.: J. Kuryłowicz, Le sens des mutations consonantiques, «Lingua», vol. I, 1, 1947; J. Fourquet, Les mutations consonantiques du germanique, Paris, 1948; ср. также Э. А. Макаев, Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения, «Научная сессия [Ин-та языкознания АН СССР] по вопросам германского языкознания. 27—30 ноября 1956. Тезисы докладов», М., 1956.

<sup>4</sup> См. J. Saffariewicz, Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prajęzyku indoeuropejskim, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU», t. 46, № 1—5. 1945.

<sup>5</sup> См. E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954.

быть подчинены основным задачам сравнительно-исторического языкознания.

Значительно более сложным является вопрос о том, необходимо ли в поисках новых путей развития сравнительного языкознания обращаться к материалам, а отсюда — и к приемам типологических исследований. Вопрос этот неоднократно ставился как в теоретическом, так и в практическом плане. Он остается актуальным и в настоящее время, поскольку существуют такие сферы реконструкции общиндоевропейского языка, для которых материал родственных языков оказывается пока что недостаточным: это проблемы сравнительно-исторического синтаксиса и вопросы, связанные с изучением первоначального значения словоизменительных категорий; большие трудности вызывает и восстановление самой истории языка-основы.

## 2

По своим задачам, по материалу и приемам анализа лингвистических фактов типологические исследования резко отличаются от сравнительно-исторических. Общим для всех типологических исследований, независимо от их частных особенностей, является выделение и изучение определенных структурных категорий, устанавливаемых на основании сопоставления языков, не связанных генетической общностью.

Общим для типологических исследований, существенно отличающим их от сравнительного языкознания, является сопоставление не материально одинаковых и генетически тождественных элементов, а элементов, не связанных ни материально, ни генетически, но обнаруживающих общие черты в структурных моделях или типах отношений (например, в распределении функций между элементами надежной системы, специально в оформлении субъектно-объектных отношений, в характере видовых противопоставлений, в типе фонологических противопоставлений и т. д.).

Общим для типологических исследований, составляющим отличие от сравнительно-исторического языкознания, является сопоставление не отдельных звуков, морфем, словоизменительных форм, а сопоставление относительно целостных систем, известных структурных отношений, более общих или более частных корреляций (например, сопоставление определенных фонологических систем, синтаксических моделей, словоизменительных парадигм).

В типологических исследованиях всегда сопоставляются категории функционально общие, так как только функциональная общность и образует основу любого типологического сопоставления, специфика же сравнительно-исторического языкознания допускает сопоставление элементов, функционально не тождественных на данном временном отрезке, если только они тождественны генетически (например, сопоставление форм германского претерита с индоевропейским перфектом или аористом при восстановлении временной системы германских языков или форм индикатива и конъюнктива для реконструкции архетипа и.е. личных окончаний).

Можно сказать, что исходная позиция сопоставления, применяемого в любом типологическом исследовании, — структуральна, исходная же позиция сопоставления, применяемого в сравнительном языкознании, — материальна. Приемы исследования и характер привлекаемого материала тесно связаны. Надо вместе с тем отметить, что сами типологические исследования имеют известные разновидности: условно можно выделить синхронно-типологические и историко-типологические исследования. В первых путем сопоставления разных языков, безотносительно к их генетической общности, устанавливается в чисто статическом плане наличие сходных

структурных особенностей. Наиболее ярким примером синхронно-типологических исследований может служить известная монография Л. Ельмслева о падеже<sup>1</sup>. При историко-типологических исследованиях путем сопоставления разных языков, опять-таки безотносительно к их генетической общности, устанавливают известные общие тенденции развития; в качестве примера можно сослаться на работы Ван-Гиннекена, Тромбетти, И. И. Мещанинова и др. Конечно, само это разграничение довольно условно.

## 3

Прежние работы, посвященные интересующей нас проблеме, могут быть разбиты на три группы.

Первая группа исследований не ставит никаких методико-теоретических вопросов. Знакомство с неиндоевропейским языковым материалом (в одних случаях более глубокое, в других — довольно поверхностное) ведет к сопоставлению единичных фактов индоевропейских языков со специфическими категориями языков других семей и далее к реконструкции структурных отношений, не засвидетельствованных непосредственно материалом индоевропейских языков. Так, еще Потт в конце XIX в.<sup>2</sup> дал пример сопоставления структурных особенностей так называемой эргативной конструкции с особенностями оформления именительного и винительного падежей *-o-* основ в индоевропейских языках. Х. Уленбек в 1901 г. развил мысль Потта и осуществил реконструкцию падежной системы индоевропейского праязыка на основании структуры падежных противопоставлений в языках с эргативной конструкцией<sup>3</sup>. Методика сопоставления и последующая реконструкция, примененные Уленбеком, повторяются впоследствии во многих однотипных работах (Г. Карольсфельда, Г. Вельтена, П. Кречмера, И. Кноблоха<sup>4</sup> и других). Поэтому следует несколько подробнее остановиться на указанной статье Уленбека.

В методике сопоставления и выводах Уленбека обращают на себя внимание три момента, очень типичные для данной группы исследований.

1. Падежное противопоставление, характерное для так называемой эргативной конструкции, отбрасывается от той системы координирующих признаков, в которой данное противопоставление реально существует. Координирующими признаками прежде всего является четкое различие переходного и непереходного глагола (или глагола действия и состояния), если эта конструкция существует в языках с оформившимися глагольными категориями, или различие в оформлении схемы предиката, иногда и то и другое; отсутствие этих координирующих признаков в индоевропейских языках не принимается авторами во внимание.

2. Так называемая эргативная конструкция рассматривается в тех языках, где она обнаружена, как нечто данное, вне ее исторического осмыс-

<sup>1</sup> L. Hjelmslev, La catégorie des cas. Etude de grammaire générale, «Acta jutlandica»: VII, 1 — 1935; IX, 2 — 1937.

<sup>2</sup> A. F. Pott, Unterschied eines transitiven und intransitiven Nominativs, «Beiträge zur vergl. Sprachforsch.», Bd. VII, Hf. 1, Berlin, 1871.

<sup>3</sup> См. C. Uhlenbeck, Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen, «Indogerm. Forsch.», Bd. XII, 1901, стр. 170—171 (русский перевод см. в сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950, стр. 101—102).

<sup>4</sup> См.: Г. Ш. Карольсфельд, О переходных и непереходных глаголах, перевод с нем., сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950; H. V. Veltén, On the origin of the categories of *voice* and *aspect*, «Language», vol. VII, № 4, 1931; P. Kretschmer, Objektive Konjugation im Indogermanischen, Wien, 1947; J. Knobloch, La voyelle thématique *-e/-o-* serait-elle un indice d'objet indo-européen?, «Lingua», vol. III, 4, 1953.

ления. Однако для картвельских языков, по мнению А. С. Чикобава, характерные для данной конструкции отношения являются, чем-то вторичным.

Вместе с тем Уленбек не пытался показать в неиндоевропейских языках тенденций перехода к новому типу противопоставлений, характерному для надежной системы индоевропейских языков, что в какой-то степени могло оправдать привлечение данного материала.

3. Привлекаемый материал индоевропейских языков не подвергался необходимой обработке. Между тем далеко не ясным является историческое место склонения с основами на -o- в именном словоизменении индоевропейского праязыка, в равной степени как и древность тех соотношений, которые выступали в приведенных примерах. Если предполагать эргативное прошлое общиндоевропейского языка, то оно во всяком случае было настолько отдаленным, что с ним могут быть соотнесены только такие явления индоевропейских языков, древность которых более или менее очевидна.

Те же приемы и та же методика выступает и в исследованиях Вельтена и Карольсфельда о залогах, в статье Кречмера, пытавшегося найти остатки объективного спряжения в индоевропейских языках, в статье Кноблоха и т. д.<sup>1</sup> Методика сопоставления и приемы реконструкции, примененные в этих работах, не представляются нам достаточно разработанными, чтобы их можно было использовать в сравнительно-исторических исследованиях.

Вторая группа исследований, очень близко примыкающая к первой, представлена трудами советских лингвистов<sup>2</sup> и связана с популярной в тридцатых и сороковых годах теорией стадиальности. Не останавливаясь здесь ни на различных вариантах этой теории, ни на ее критике, поскольку по данной тематике написано много работ и критических исследований, следует отметить наиболее характерные для этой группы приемы введения и использования неиндоевропейского материала, полученного в результате анализа некоторых структурных моделей в различных неиндоевропейских языках (например, структуры инкорпорируемого комплекса в языках Севера<sup>3</sup>, семантико-синтаксической структуры «предикативных имен» в тюркских языках<sup>4</sup>, дативной конструкции в картвельских языках<sup>5</sup> и т. д.).

Введение неиндоевропейского материала основывалось прежде всего на стадиальных типологических построениях, которым приписывалась общезыковая значимость. Именно в стадиальных схемах устанавливалась довольно произвольная относительная хронология между сопоставляемыми структурными моделями, причем обычно неиндоевропейские модели расценивались как стадиально более древние, в отличие от закономерностей индоевропейских языков, и служили основанием для реконструкции древнейших этапов истории этих языков. Для методики же сопоставления характерным являлось отсутствие должного

<sup>1</sup> Ср. также отдельные работы Э. Леви, привлекавшего типологические параллели при освещении вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков, например его статью: E. L e w y, Zur urindogermanischen Flexion, «Indogerm. Forsch.», Bd. 56, Hft. 1, 1938.

<sup>2</sup> См. следующие работы: С. Д. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, М.—Л., 1936; А. В. Десницкая, Архаические черты в индоевропейском словосложении, сб. «Язык и мышление», т. 11, 1948, стр. 133—152; М. М. Гухман, Происхождение строя готского глагола, М.—Л., 1940.

<sup>3</sup> См. А. В. Десницкая, указ. соч.

<sup>4</sup> См. М. М. Гухман, О стадиальности в развитии строя индоевропейских языков, ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 2.

<sup>5</sup> Там же.

сравнительно-исторического осмысления тех закономерностей индоевропейских языков, которые сопоставлялись с неиндоевропейскими структурными моделями. Хотя сопоставляемые структуры нередко рассматривались в системе координирующих признаков, материал отдельных групп индоевропейской семьи, например германских языков, греческого и древнеиндийского, взятый к тому же из разных исторических эпох этих языков, непосредственно сопоставлялся с неиндоевропейскими моделями в целях реконструкции более древнего состояния, без достаточно тщательного предварительного исследования исторического места данных структурно-семантических отношений в индоевропейской языковой семье. Следствием подобной методики сопоставления являлось искаженное представление о закономерностях развития индоевропейских языков. Таким образом, и этот опыт включения результатов типологических исследований в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков нельзя считать удачным.

Третью группу составляют исследования структурального направления. Теоретические основы этих исследований были впервые разработаны в тезисах Пражского кружка и были развиты в ряде трудов, в том числе в ранних работах Ельмслева. Существенным для задач сравнительной грамматики являлось здесь стремление преодолеть ту обособленность сравнительного языкознания и типологии языка, которая была типична для младограмматического направления. Однако эти важные для развития сравнительной грамматики положения были у названных авторов лишь производными по отношению к центральной проблеме о соотношении диахронной и синхронной лингвистики. В этом отношении интересны не только известные тезисы Пражского кружка, но и статьи, опубликованные в первом томе «Трудов Пражского лингвистического кружка», особенно же статья чешского германиста Б. Трнка <sup>1</sup> «Аналитический метод сравнения и сравнительно-историческая грамматика».

Справедливо отмечая, что в прошлом сравнительное изучение, например, славянских языков сводилось в основном к генетическим проблемам, т. е. к поискам общего прототипа, авторы «Тезисов» указывают на необходимость более широкого применения сравнения, так как этот метод позволяет вскрыть законы структуры лингвистических систем и эволюцию последних. Материалом же сравнения, по мнению авторов, могут являться в равной степени неродственные и родственные языки. При такой постановке вопроса до известной степени стираются грани между сравнительно-историческими и типологическими исследованиями, хотя авторы «Тезисов» и выделяют в специальный пункт значение структурального сравнения родственных языков. Конечно, тезисная форма не могла дать сколько-нибудь полного представления о том, каковы мыслили себе тогда пражцы соотношение сравнительной грамматики и примесов типологических исследований. Весьма существенно, однако, что согласно формулировкам, приведенным в «Тезисах», сравнительный метод отнюдь не сводился к синхронному сопоставлению структурных систем разных языков, но должен был вскрыть основные тенденции развития отдельных языков.

В несколько иной форме эти мысли повторяются и в названной выше статье Трнка. Противопоставляя еще в более резкой форме прежнему диахроническому или историческому методу метод синхронно-сравнительный или аналитический, автор считает, что они взаимно дополняют друг друга. Поэтому Трнка полагает, что, например, при изучении истории германских языков следует применять оба метода: при помощи перво-

<sup>1</sup> См. B. T r n k a, Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», vol. I, 1929, стр. 33—38.

го прослеживают изменения отдельных языковых явлений, второй используется при более сложном и глубоком изучении тех различных эпох существования германских языков, которые подлежат в дальнейшем сравнительному анализу.

Объединение методики изучения родственных и неродственных языков и вместе с тем своеобразный синтез сравнительной грамматики и общего языкознания декларирует и Ельмслев в предисловии к своей известной монографии «Категория падежа». «Этот очерк, — пишет автор, — должен показать, что мы понимаем под общей грамматикой. Следует отказаться как от противопоставления морфологии синтаксису, так и от деления лингвистики на общее и сравнительное языкознание. Синтетическим путем следует объединить всю совокупность фактов. Тем самым «общая грамматика» помогла бы разрешению тех эволютивных проблем, которые в области «синтаксиса» остались перазъясненными традиционным методом. Индоевропейское языкознание должно основываться на общем языкознании, а эволютивная лингвистика на лингвистике синхронной».

Таким образом, после длительного разобщенного развития сравнительного языкознания и типологических исследований, в конце 20-х годов нашего столетия намечается стремление к весьма своеобразному их объединению, различно преломлявшееся у разных исследователей в зависимости от их научных интересов. Насколько новыми были высказанные здесь идеи, можно судить, если сопоставить их с известными рассуждениями А. Мейе в его небольшой монографии «Сравнительный метод в историческом языкознании», где не только противопоставляются два вида сравнения — сравнение, имеющее целью обнаружить общие закономерности, и сравнение, применяемое для того, чтобы добыть исторические сведения, но и подчеркивается, что первый тип сравнения несовместим с конкретно-историческими исследованиями<sup>1</sup>.

Отметим, что сравнительно-типологические исследования структурального типа имели в основном сопоставительный характер, даже в тех случаях, когда их авторами были такие блестящие компаративисты, как Бенвенист<sup>2</sup>.

Монография Ельмслева о категории падежа, содержащая в предисловии столь интересные обещания, оказалась образцом синхронно-типологического исследования, остающегося в пределах сопоставительного анализа. Практически указанная работа дает серию очерков-описаний структуры падежных систем разных языков, объединенную лишь единым принципом рассмотрения, выработанным чисто дедуктивным путем. Этим единым принципом является сведение всего разнообразия падежных систем к трем разновидностям (системы с одним, двумя и тремя измерениями). Материал разных языков, по замыслу автора, служит наглядной иллюстрацией трех типов структур. Этот материал предполагалось в дальнейшем использовать как своеобразный типологический комментарий при выявлении основы падежных противопоставлений в индоевропейских языках. Но вопрос об историческом (временном) соотношении различных падежных систем между собой, об относительной хронологии рассмотренных явлений в указанной работе не ставился. Попытка синтеза типологических и конкретно-исторических исследований, типологии и сравнительной грамматики привела в рассмотренной работе к полному пренебрежению историческим, или, по терминологии самого Ельмс-

<sup>1</sup> А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, перевод с франц., М., 1954.

<sup>2</sup> См., например, E. Benveniste, Structure des relations de personne dans le verbe, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 43, fasc. 1, 1947.

лева, эволютивным принципом. Небезынтересно отметить, что и Н. С. Трубецкой пошел по пути отказа от принципов сравнительно-исторического языкознания, заменив их методикой синхронно-типологических сопоставлений<sup>1</sup>.

Практически отсутствуют элементы исторического рассмотрения и в интересном исследовании Бенвениста о категории лица в глаголе. Установление на базе сопоставления материала разных языковых семей некоторых общих закономерностей в соотношении 1-го, 2-го и 3-го лица, выделение «неличного» характера 3-го лица отнюдь не служат здесь основанием для реконструкции. Не случайно в более поздней статье Бенвенист, широко используя некоторые приемы синхронной лингвистики, подчеркивает вместе с тем необходимость изучать различные варианты значений в функционировании отдельных лексических единиц, не прибегая при этом к универсальным семантическим категориям и закономерностям<sup>2</sup>.

Автор совершенно справедливо полагает, что сопоставительно-типологические и сравнительно-исторические исследования представляют собой две разных области лингвистической науки, несмотря на широкое использование тех приемов синхронной лингвистики, которые связаны с системным анализом языковых форм<sup>3</sup>.

Синхронно-сопоставительные типологические исследования представляют собой особую сферу лингвистической науки, близкую задачам общей грамматики, но никак не проблематике сравнительно-исторических исследований. В этом смысле был прав А. Мейе, настаивавший на разграничении указанных двух видов сопоставлений. Более того, материал таких сопоставительных исследований не может быть непосредственно включен в сравнительно-историческое языкознание. Тот факт, что так называемая эргативная конструкция обнаруживается в результате многочисленных синхронно-сопоставительных исследований во многих исторически и территориально весьма далеких друг от друга языках<sup>4</sup>, еще не дает основания реконструировать ее для общеиндоевропейского языка. Это оказалось бы возможным только в том случае, если бы было предварительно показано, во-первых, что данное построение типично, узуально для большинства языков, во-вторых, что оно типологически является более древней моделью, и, в-третьих, что подобные тенденции развития подтверждаются материалом нескольких семей языков и являются общими закономерностями развития языковой структуры. В противном случае мы имеем дело с чисто случайными сопоставлениями и аналогиями.

Естественно, что еще менее убедительны единичные сопоставления с произвольно выбранными фактами из материала неиндоевропейских языков. Так, реконструкция первичного состава согласных фонем индоевропейских языков представляет до настоящего времени значительные труд-

<sup>1</sup> См. N. S. Trubetzkoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta Linguistica», vol. I, fasc. 2, Copenhagen, 1939.

<sup>2</sup> См. E. Benveniste, Problèmes sémantiques...

<sup>3</sup> Небезынтересно вместе с тем, что и у Ельмслева, и у Бенвениста эта системность реализуется в типологических исследованиях весьма ограниченно, только внутри определенной словоизменительной парадигмы (система падежей, система многих форм глагола), безотносительно к более широкому обязательным координирующим признакам. Так, например, Бенвенист не касается системы оформления категории лица в местоимениях; между тем во многих языках и здесь наблюдается обособление третьего лица. У Ельмслева почти не показана связь разных падежных систем с оформлением субъектно-предикативно-объектных связей и т. д.

<sup>4</sup> См. в этой связи, помимо указанных выше статей, сообщение К. Регамей на VII Международном конгрессе языковедов (см. «Proceedings...», стр. 129—130).



ности; спорным является, например, исконный характер аспирированных согласных, представленных в древнеиндийском звонкими смычными с придыханием; спорным является и вопрос о том, каково историческое соотношение между противопоставлением «глухой смычный — звонкий смычный» и противопоставлением «сильный — слабый». Сопоставления для доказательства той или иной гипотезы с материалами, произвольно выбранными из индоевропейских языков, не могут дать никакой точки опоры, так как остается неизвестным, во-первых, насколько данное явление типично вообще и, во-вторых, является ли оно в индоевропейских языках чем-либо первичным или вторичным.

Современные теории индоевропейского корня ведут к предположению о его преимущественно консонантном характере. Сложная система доказательств, осуществленная при помощи высокой техники современных приемов анализа, сделала вероятным предположение о том, что в ранний период истории индоевропейского языка вокальный элемент был представлен неким нейтральным звуком, лишенным качественной определенности, характерной для вокализма более поздних этапов развития индоевропейской семьи. Нечто сходное, как известно, отмечал Трубецкой в фонологической системе адыгейского языка. Однако привлечение в этом случае адыгейского материала не может служить подтверждением правильности такой реконструкции. Оно лишь показывает возможность существования подобного языкового типа.

Примеры можно было бы продолжить, однако представляется несомненным, что как в области собственно грамматики, так и в области фонологических изысканий сопоставительный материал, не обладающий узуральностью и не позволяющий определить относительную хронологию изучаемых явлений, тенденции их развития, не способен дать ничего достоверного для реконструкции и не может служить доказательством делаемых выводов. В лучшем случае он показывает, что аналогичные явления возможны в языке.

Вместе с тем могут быть случаи, когда материал синхронно-типологических исследований служит стимулом к пересмотру некоторых схем традиционной сравнительной грамматики. Вернемся к рассмотренной выше работе Бенвениста. Приведенный в этой статье сопоставительный материал позволяет сделать вывод о распространенности типа парадигмы спряжения, в которой выделяется неличный характер 3-го лица. Конечно, сам этот вывод не дает еще основания для предположения, что некогда, в эпоху существования индоевропейской общности, имело подобное построение, а тем более, что оно было исконным, но узуральный характер приведенных фактов позволяет рассматривать под новым углом зрения те формы, которые «нарушают» в индоевропейских языках симметричность построения. В этой связи, естественно, могут получить новое осмысление и славянские формы типа *плете*, представленные, в частности, некоторыми русскими диалектами. Возникает необходимость еще раз с новых позиций рассмотреть соотношение разных парадигматических рядов личных показателей в индоевропейских языках, тем более, что многое, считавшееся исконным, явилось, по-видимому, результатом более позднего выравнивания.

Иными словами, сопоставительный материал синхронно-типологических исследований, если он показывает узуральность наблюдаемого факта, может служить стимулом к пересмотру старых схем сравнительной грамматики под новым углом зрения, однако пересмотр этот должен осуществляться только на материале родственных языков при помощи совокупности исследовательских приемов, включаемых в сравнительно-исторический метод.

## 4

Для задач, которые решаются сравнительно-историческим языкознанием, большую пользу мог бы принести материал историко-типологических исследований. Преимуществом подобных исследований является то, что условно можно назвать фактором времени, т. е. та относительная хронология в освещении сопоставляемых структурных единиц, которая позволяет отличать более древнее и более новое, первичное и вторичное, а тем самым позволяет наметить общие тенденции развития. Наличие относительной хронологии в освещении рассматриваемых явлений — то обязательное условие, которое делает возможным использование результатов подобных трудов для реконструкции искомых явлений в истории индоевропейских языков. Сложность же заключается в том, чтобы уловить действительно типичное, узуальное, общее для развития языков, а не случайное, единичное. Наиболее убедительны в этом отношении наблюдения в области закономерностей развития звукового состава и фонологических систем.

Еще в работе 1941 г. Р. Якобсон, намечая определенную последовательность в овладении ребенком звуками речи, указывал вместе с тем, что универсальное и панхропическое значение, а также внутренняя логика установленной последовательности (имеется в виду развитие звуков) позволяет утверждать тот же тип следования и в глоттогонии<sup>1</sup>. В этой связи в работе Р. Якобсона приводятся материалы из трудов Тромбетти, Ван-Гиннекена, Зоммерфельда и других, позволяющие установить первичность определенных типов звуков по отношению к другим звукам, например первичность взрывных по отношению к щелевым.

Наблюдения в указанной области накапливались в ряде работ последних десятилетий. Использование подобных материалов в сравнительно-историческом языкознании представляется вполне целесообразным; известно, что Н. С. Трубецкой еще в ранних своих работах (впоследствии это вошло в его старославянскую грамматику) использовал общие закономерности фонетических процессов в целях реконструкции. В этой связи можно указать, что известным подтверждением гипотезы о наличии в общеиндоевропейском языке звонких смычных с придыханием, давших в древнеиндийском *bh, dh, gh*, а в других индоевропейских языках — либо звонкие смычные чистые, либо щелевые, является узуальность такого перехода, тогда как предположение о щелевом характере этих прототипов сталкивается с невозможностью объяснить придыхательные в древнеиндийском, если не прибегать к предположению о звуковой субституции, обусловленной действием субстрата. В частности, и спор о том, какой тип противопоставления в системе индоевропейских смычных является первичным: «глухой — звонкий» или «слабый — сильный», мог бы быть до известной степени разрешен при помощи установления узуальности перехода от одного типа к другому. При этом вновь следует подчеркнуть, что сопоставляемый индоевропейский материал должен быть каждый раз обработан в сравнительно-историческом плане: привлекаться должны не случайные факты единичных индоевропейских языков, а факты, осмысленные как древний общеиндоевропейский инвентарь.

Как видно из приведенных примеров, возможность использования в сравнительно-историческом языкознании тех или иных данных историко-типологических исследований прежде всего основывается на **высоком уровне разработки**: 1) проблем общей фоноло-

<sup>1</sup> R. Jakobson, Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze, «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar. Jan. 1940— Dec. 1942» («Uppsala Universitets årsskrift», 1942, 9), Uppsala — Leipzig, 1942.

гии и 2) особенностей фонетического строя индоевропейских языков. Эти необходимые условия нередко отсутствуют при анализе фактов, относящихся к другим аспектам языка. Историко-типологические труды в области собственно грамматики пока не дали ничего столь же разработанного и достоверного, что, конечно, связано и с значительно более сложным характером грамматического материала. С другой стороны, отнюдь не все элементы грамматического строя представляют одинаково благодарный объект историко-типологических исследований; очевидно, что только структурно-системные отношения, а не материальный инвентарь являются объектом таких разысканий.

В этой связи привлечение, например, неиндоевропейских языков при реконструкции и изучении развития материального состава отдельных словоизменительных и словообразовательных формативов было бы совершенно нецелесообразным. Напротив, историко-типологический комментарий определенных системных отношений внутри словоизменительных парадигм индоевропейских языков мог бы привести к пересмотру соотношения имеющихся в них параллельных форм. Он мог бы помочь и в реконструкции процесса развития системы значений именных и глагольных форм. Однако при данном состоянии разработки общей грамматики и такое включение материала типологических исследований представляется мало желательным. Сколько-нибудь убедительных историко-типологических исследований в этой области нет. Нет и достаточного количества накопленных наблюдений, которые позволили бы делать какие-либо выводы. Отнюдь не случайна бедность и произвольность наблюдений в этой области (см., например, статью Вельтена «Об эволюции рода, падежей и частей речи»<sup>1</sup>). Именно здесь наиболее сложно историческое осмысление сопоставляемого материала разных языков. Даже те языковеды, которые весьма склонны к подобным сопоставлениям, как, например, Кноблох, полагают, что они возможны лишь в отношении явлений, находящихся на грани морфологии и синтаксиса. Быть может, этим объясняется тот факт, что общая грамматика в части морфологии значительно более статична, чем общая фонология. Слишком многообразны здесь системы отношений и связей, чтобы можно было установить какие-то общие тенденции развития, выявить относительную хронологию сопоставляемых фактов с тем, чтобы в дальнейшем использовать полученные выводы при реконструкции индоевропейских форм. Даже такие общепринятые положения, как, например, первичность вида по отношению к времени, установленная на материале многих языков, не дают еще основания для каких-либо выводов, поскольку исторический материал ряда языков обнаруживает здесь значительно более сложные взаимоотношения. Поэтому вопрос о характере противопоставления в общиндоевропейском языке тех глагольных форм, к которым исторически восходят презенс и перфект, не может быть разъяснен при помощи приемов и материала историко-типологических исследований.

Развитие морфологических моделей настолько индивидуально, что на современном этапе языкознания использование материала и приемов историко-типологических исследований в сравнительно-исторической морфологии даже на стыке с синтаксисом оказывается пока невозможным. Оно будет сводиться к случайным и мало убедительным аналогиям.

Иной характер имеет синтаксис. Как сами синтаксические модели (структура словосочетания, структура предложения), так и тенденции их развития обнаруживают гораздо больше общего в раз-

<sup>1</sup> H. V. Velt en, Sur l'évolution du genre, des cas et des parties du discours, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 33, fasc. 2, Paris, 1932.

ных языках. Типы синтаксических связей имеют гораздо более «общечеловеческий» характер, чем морфологические модели. Они гораздо менее индивидуальны и менее разнообразны. Поэтому возможно не только синхронно-описательное сопоставление, но и установление определенных тенденций развития, а следовательно, внесение перспективы, учет относительной хронологии, которая и позволяет в дальнейшем использовать их в сравнительной грамматике индоевропейских языков при реконструкции первоначального состояния.

Так, например, вопрос о соотношении именных оборотов и развитой системы придаточных предложений в индоевропейских языках остается до настоящего времени одним из весьма неясных разделов индоевропейского синтаксиса. Если спорным являлся, да и частично является в настоящее время вопрос о том, были ли абсолютные конструкции в славянских языках и германских языках исконным, а не заимствованным (из греческого, латыни) образованием, то тем более неясным следует считать проблему об историческом соотношении в индоевропейской семье языков обоих типов построения сложного синтаксического целого. Дописьменные этапы развития сложного синтаксического целого остаются неясными. Изучение материально-разнообразных явлений разных языков, сводимых, однако, структурно к небольшому числу моделей, и дальнейшее выявление тенденций их развития в плане общей грамматики, возможно, и было бы интересным. Методика подобного анализа и его выводы могли бы пролить свет на историю отнесенных выше явлений индоевропейского синтаксиса.

Аналогичные исследования могли бы дать положительные результаты и в отношении других разделов синтаксиса. Однако во всех случаях включению данных историко-типологических исследований в сравнительную грамматику индоевропейских языков должна предшествовать тщательная разработка соотношения рассматриваемых моделей в плане общей исторической грамматики на материале разных неродственных языков.

Если, таким образом, при реконструкции синтаксических моделей общеиндоевропейского языка материал типологических исследований мог бы служить дополнительным источником, то возможность его использования зависит от степени разработанности проблем глоттогонической типологии. К сожалению, современное состояние изучения этих вопросов отнюдь не создает благоприятных условий для привлечения типологического материала в сравнительное языкознание.

Выше мы указывали, что слияние общего и сравнительного языкознания, типологических и сравнительно-исторических исследований, прокламируемое многими лингвистами, не было достигнуто. По сути дела подобное слияние вряд ли следует считать желательным, так как каждый вид анализа имеет свои задачи. Однако строго научная разработка глоттогонических проблем могла бы дать вспомогательный материал для сравнительного языкознания. В то же время исследование закономерностей развития родственных языков обогащает так называемую общую грамматику. Но последнее положение — это уже иной аспект рассмотрения интересующей нас проблемы, и оно нуждается в специальном изучении.

---